

© Н. А. КАРЛИК

Государственная полярная академия

г. Санкт-Петербург

**Методика проведения психолингвистического эксперимента
при анализе суггестивных стратегий
малоформатных афористических текстов**

В статье описывается методика проведения психолингвистического эксперимента, нацеленного на выявление суггестивного потенциала малоформатных афористических текстов. Доказывается, что присущие малоформатным афористическим текстам стратегии суггестии являются фактором превращения их в прецедентные тексты.

Ключевые слова: малоформатный афористический текст; суггестивная стратегия; концепт.

N. A. KARLIK

State Polar Academy

Saint Petersburg

**Methodics of psycholinguistic experiment
for analysis of suggestive strategies
of short aphoristical texts**

Article describes the methodics of psycholinguistic experiment which is purposed for finding out the suggestive potential of short texts. The author proves that the suggestive strategies of the aphoristical texts became the factor of their conversion into the precedent texts.

Keywords: short aphoristic texts; suggestive strategy; concept.

Для обработки и уточнения данных, которые могут быть получены другими методами при исследовании реализации суггестивного потенциала малоформатных афористических текстов, целесообразно проведение психолингвистического эксперимента. В данной статье будет описана методика проведения эксперимента, а также описаны основные его результаты.

Основная рабочая гипотеза, в соответствии с которой был организован эксперимент, состояла в утверждении, что малоформатные афористические тексты благодаря реализации суггестивных стратегий (активизации авторитетного авторского начала, использованию сенсорных ассоциаций, стратегии единения с реципиентом и др.) лучше запоминаются и воспроизводятся реципиентами. Таким образом, в ходе эксперимента предстояло подтвердить, что именно фактор суггестии является определяющим для активизации процесса превращения текстов единичного употребления в прецедентные тексты.

Психолингвистический эксперимент для реализации поставленной цели мог быть посвящен и анализу нескольких концептов, на которых строятся афористические тексты, и каждого из них в отдельности — наиболее распространенных в отечественной концептосфере. Мы рассмотрим методику проведения эксперимента на примере анализа признаков только одного концепта «любовь», актуализированных в афористических текстах, и суггестивного потенциала форм их вербализации. На первоначальном этапе испытуемым зачитывались афористические тексты о любви, в которых репрезентировались разные признаки концепта, и предлагалось выбрать ключевое слово, знаковое при экспликации авторского прочтения данного концепта. Ниже приводятся афористические тексты, с которыми испытуемые работали на данном этапе эксперимента.

Любви все возрасты покорны (А. С. Пушкин)

Смелость — жизненная энергия души (К. Д. Ушинский)

Любовь и работа — единственные стоящие вещи в жизни.

Работа — это своеобразная форма любви (Мэрилин Монро)

Горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее оковы (Эккл, 7,с. 26)

Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и — безрассудная» (Притч, 11, с. 22)

Остерегайтесь любви! Она гораздо опаснее всех насморков, бронхитов, плевритов! Она не дает пощады и толкает всех на непоправимые безумства (Г. Мопассан)

Любовь к женщине острее крюка, которым укрощают диких слонов, горячее пламени; она подобна стреле, вонзающейся в душу человека (Будда)

Любви женщины следует более бояться, чем ненависти мужчины. Это — яд, тем более опасный, что он приятен (Сократ)

Рану, нанесенную копьем безумной любви, не исцелить ватой, смоченной бальзамом разума (И. Канбу)

Любовь — это временное помешательство (А. Плещеев)

Единственное средство побороть любовь — бежать от нее (М. де Сервантес)

Женская любовь точно уголь, который, когда пламенеет, то жжется, а холодный — грязнит (А. Куприн)

Любовь — это аромат, это оттенок звука на устах. Она как полуденный свет на спаленной траве. Уход за садом и выращивание цветов не имеет с любовью ничего общего (Ш. Андерсон)

Любить человека — значит сделать его счастливым (К. Поппер)

Любовь слепа, и она способна ослепить человека так, что дорога, которая кажется ему наиболее надежной, оказывается наиболее скользкой (М. Наваррская)

Безумна та женщина, которая позволяет тайной любви разгореться в своем сердце, ибо эта любовь, неразделенная и безвестная, должна сжечь душу, вскормившую ее; а если

бы даже любовь была обнаружена и разделена, она, подобно блуждающему огоньку, заведет тебя в глубокую трясину, откуда нет выхода (Ш. Бронте)

Первые восторги любви исполнены такой бурной силы и так высоки, что все препятствия отступают перед ее могуществом, все зачатки разногласий цепенеют, все идет по воле этого чувства, которое с полным основанием называют душою мира и которое можно было бы сделать богом вселенной; но, когда любовь угасает, вновь обнажается уродливая житейская действительность, колеи дорог превращаются в канавы, бугорки вырастают с гору (Жорж Санд)

Женщины от любви хорошеют, а мужчины выглядят как больные овцы (А. Кристи)

Смотреть на безответную влюбленную женщину неловко, как тяжело и неловко смотреть на женщину, которая пытается взобраться в трамвай, а ее здоровенный мужчина сталкивает с подножки (Л. Гинзбург)

Любовная игра все равно, что езда на машине: женщины предпочитают объезды, мужчины норовят срезать угол (Ж. Моро)

Мужчины лгут меньше, чем женщины, кроме тех случаев, когда они говорят о своих чувствах (принцесса Диана)

Не знаю, в самом ли деле женщины лучше мужчин, но уж точно не хуже (Г. Меир)

Не думаю, что мы и мужчины равны. Мы выше (Б. Стрейзанд)

Настоящее имя любви – плен (В. Гюго)

Любовь — проклятая Богом страна, где опоздание служит законом, где ни один поезд не приходит по расписанию и начальники станций в красных шапках — все сумасшедшие или идиоты.

Но здесь и сторожа сошли с ума от крушений! Опаздывают все признания и поцелуи, всегда слишком ранние для одного и слишком поздние для другого, лгут все часы и встречи, и, как хоровод пьяных призраков, одни бегут по кругу, другие догоняют, хватая воздух протянутыми руками. Все в мире приходит слишком поздно, но только любовь умеет минуту запоздания превратить в бездонную вечность вечной разлуки (Л. Андреев)

Независимо от того, была ли выбрана в качестве ключевых единиц абстрактная лексика или же слова, обозначающие конкретные предметы, в ходе свободного ассоциативного эксперимента испытуемые должны были написать к каждому ключевому слову 1—2 ассоциации. При знакомстве с каждым афористическим текстом каждый испытуемый также оценивал соответствие презентуемой в нем идеи истинному положению дел (согласен или не согласен с автором, что так все и есть на самом деле), а также проявление в нем гендерной специфики, определял гендерную маркированность текста.

Каждый испытуемый при работе с предложенными текстами, указывая дополнительно свой пол и возраст, заполнял таблицу, форма которой приводится ниже.

Согласны ли Вы с утверждением, на котором основан афористический текст? Да (+), нет (-)	Укажите, кто, по Вашему мнению, автор: мужчина (м), женщина (ж).	Напишите слово, которое, по Вашему мнению, является ключевым в афористическом тексте.	Напишите 1—2 ассоциации к ключевому слову.
--	--	---	--

Обращение к методу свободного ассоциативного эксперимента позволило расширить интерпретационное поле концепта «любовь», благодаря проявлению разнообразных смысловых признаков и стереотипов. Ключевые слова, становившиеся при выполнении задания стимулами, на которые испытуемые реагировали свободной словесной реакцией, приходящей в голову, только в том случае «работали» на выявление новых признаков концепта, ключевого для данного афористического блока, если они напрямую были связаны с ним по смысловому содержанию. В ряде случаев авторы использовали в качестве художественных средств в афористических текстах настолько яркие и наглядные метафоры и сравнения, что их суггестивный потенциал, воплощенный в конкретном эмпирическом образе, уводил испытуемых от первичного образа, в котором был вербализирован концепт «любовь». То есть суггестивный потенциал был реализован у ряда лексических единиц, составляющих афористический текст, но самому тексту это не принесло никакой пользы: его смысл оказался не понят, а сам он целиком никому не запомнился. К таким текстам-неудачникам можно, например, отнести библейский афоризм: «Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и — безрассудная» (Притч, 11, с. 22). При том, что половина лексических единиц, составляющих данный текст, обладает чувственно-наглядной конкретностью и отсылает к конкретным образам, концепт «женщина» в характеристике ее признаков «безрассудная» и «красивая» оказывается вытеснен концептом «свинья», что приводит к припоминанию у участников эксперимента только отдельных суггестивных элементов (там «что-то про свинью и украшения»). При этом и «свинья», и «кольцо» также могут вызывать определенную эмоциональную реакцию, исполнять роль рычагов воз-

действия или носителей «раздражения» только отдельно друг от друга, а вот образ «золотое кольцо в носу у свиньи», в силу отсутствия в сознании испытуемых чувственного отражения, кодирующего данное явление, проходит незамеченным, не вызывая никаких ассоциаций.

На следующем этапе эксперимента испытуемые должны были из прочитанных двадцати пяти текстов экспериментального блока, с которыми они уже работали ранее, записать тексты, которые удалось запомнить.

В связи с тем, что в ходе проведения эксперимента его участники не были заранее предупреждены, что одним из заданий будет воспроизведение афоризмов, которые им были предложены (всего 25 афоризмов, изречений и афористических фрагментов, протяженностью от 4-х слов до 4-х предложений), можно говорить об отсутствии изначальной установки на запоминание. Так как в процессе запоминания волевые усилия отсутствовали, результаты можно интерпретировать в качестве полученных за счет действия непроизвольной памяти: именно суггестивный потенциал текстов оказывается задействованным, когда человек специально не планирует запоминать текст, но, тем не менее, запоминает. Именно использование суггестивных приемов и стратегий приводит к решению задачи, которую часто реципиент не осознает, но исполняет: эта задача сводится к приказу «запомни».

Эксперимент показал, что далеко не все афористические тексты одинаково хорошо смогли быть воспроизведены реципиентами. В процессе запоминания оказались потеряны тексты, основанные на определении абстрактных понятий, не получивших образных эквивалентов, а также те тексты, в которых метафоры и сравнения основаны на мнимом сходстве предметов, объектов, явлений или на сходстве, которое оказалось недоступно воспри-

ятию реципиентов. Так, например, в изречении Будды «Любовь к женщине острее крюка, которым укрощают диких слонов, горячее пламени; она подобна стреле, вонзающейся в душу человека», основанном на трех синонимичных по структуре сравнениях, первое «не выстрелило» и не прозвучало потом ни в одной работе реципиентов — у 23 % участников эксперимента, второе и третье запомнились: соответственно второе у 32 %, а третье у 45 % испытуемых.

Выявление ключевого слова и создание ассоциативного ряда к нему показало, что в буддийском высказывании, хотя речь и идет о любви, значимым для реципиентов оказывается то, с чем она сравнивается — «стрела» и «горячее пламя». «Крюк для укрощения слонов» не вызывает никаких ассоциаций для коммуникативного сознания европейцев, поэтому, если и встречается в ряду ключевых слов, то не имеет ассоциативной связи с оружием, орудиями дрессировки в Азии или с другими агональными образами. «Крюк» вызывает ассоциацию с рыбалкой и в целом с водной тематикой – «сеть», «якорь», на фонетическом уровне — с капитаном Крюком (антигерой из книги Дж. Барри «Питер Пэн»), фамилия которого является омофоном данному существительному. «Стрела» инициирует ассоциативный ряд, на одном полюсе которого находится «война», на другом — «охота», объединяющим их можно считать «оружие» («лук», с которым «стрелы» идут в наиболее частотной ассоциативной паре). Получается, что для адекватного понимания и последующего запоминания афористического текста знания языка, дешифровки языковых знаков недостаточно: гораздо важнее оказывается правильная референция, соотнесение высказывания с тем, что в нем изображено. «Незнание фактов действительности, которая стоит за дискурсом, ведет к коммуникативным недоразумениям и

неудачам» [Седов, 2007, с. 121]. Афористический текст, который требует многоступенчатого выстраивания реальных ситуаций, рассчитан на высокий интеллектуальный уровень реципиента. Как мы видим при анализе полученных в ходе эксперимента результатов, можно считать справедливым замечание Н. И. Жинкина, что «понимать надо не речь, а действительность» [Жинкин, 1982, с. 92].

Примером того, как не реализуется суггестивный потенциал афористического текста при использовании образов, являющихся маргинальными для коммуникативного сознания реципиентов, может быть и афоризм писателя эпохи Великих Моголов И. Конби: «Рану, нанесенную копьем безумной любви, не исцелить ватой, смоченной бальзамом разума». Метафоры «копье безумной любви» и «бальзам разума» вытесняются вполне понятными для реципиентов «раной» и «ватой», при этом смысл всего высказывания в целом оказывается потеряян, так как эти два слова, указанные реципиентами как ключевые (по 40 % каждое), уводили их в сферы, далекие от ключевой темы: «вата» — *сахарная, пустота, спирт, аптека, врач, медицина*; «рана» — *кровь, боль, болезнь, кровотечение, слабость*.

Отдельную группу афористических текстов составляют те афоризмы из данных для прослушивания в ходе эксперимента, общая идея которых сохранилась в процессе припоминания, но перекодировалась в другой лексический материал и другие синтаксические конструкции. Из общего массива текстов, предложенных участникам эксперимента, таких текстов оказалось около 50 %. Рассмотрим на примере афористического текста Л. Гинзбург, который смогли запомнить 75 % студентов, суггестивные средства, которые способствовали запоминанию и механизм данного процесса: «Смотреть на безответно влюбленную

женщину неловко, как тяжело и неловко смотреть на женщину, которая пытается взобраться в трамвай, а ее здоровенный мужчина сталкивает с подножки».

Основой данного афористического текста становится эмоционально-субъективная оценка объекта изображения, претендующая на универсальный характер (неловко смотреть на всех безответно влюбленных женщин, а не на некоторых), которая является фокусом суггестивного потенциала. Причем следует отметить, что эта оценка дана в завуалированном виде: характеристика «неловко» относится к автору-созерцателю, которому «неловко смотреть», но у реципиента создается негативное отношение к объекту изображения благодаря использованию сравнения, в котором бытовая зарисовка из области повседневного быта представлена дублированием обозначения процесса — «смотреть» и его определения «неловко», закрепленного дополнительной характеристикой «тяжело». Эмоциональное отношение автора к объекту изображения передается через оценку «неодобрение», которая в сравнении проявляется в качестве рационального фактора (насилие не может быть одобрено) и переносится по смежности на «безответно влюбленную женщину», которую можно как осуждать, так и не осуждать в зависимости от ситуации. Не только в сближении оцениваемых ситуаций проявляются суггестивные возможности данного текста, но и в использовании типичных средств выражения желаемой оценки: на лексическом уровне лексем («пытается взобраться» — тот, кто так делает, выглядит жалким и нелепым, вызывает сочувствие, но с оттенком пренебрежения); на словообразовательном уровне слов с суффиксами субъективной оценки, к которым в данном контексте может быть отнесен суффикс *-енн*, изначально имеющий значение «большой меры присутствия признака» (у

Л. Гинзбург характеристика мужчины «здоровенный» работает на создание контраста с женщиной, которую он сталкивает с подножки, на реализацию концепта «насилие» и закрепление его в соответствующей картинке). Таким образом, состояние безответно влюбленной женщины получает негативную оценку, интерпретируется как связанное с насилием, в данном случае — самоистязанием. Авторская интенция оказывается основана на передаче эмоции: формирование негативного отношения реципиента к чувствам, которые испытывает объект изображения: любовь без взаимности унижает того, кто ее испытывает.

В процессе восприятия обе части афористического текста: и «безответно влюбленная», и «насилие в транспорте» — оказались соотнесены в сознании реципиентов с теми концептами, которые сложились у них по поводу данных ситуаций благодаря индивидуальному опыту. Именно это отражение окружающей действительности в соответствии с универсально-предметным кодом (если использовать терминологию Н. И. Жинкина) и оказалось воспроизведено в тех афористических текстах, которые были представлены как вариант того, что удалось запомнить. Данные, которые мы получили в ходе эксперимента, подтверждают наблюдение Н. И. Жинкина, что воспринимаемый человеком текст «сжимается в некий концепт (представление), содержащий смысловой сгусток всего текстового отрезка. Концепт хранится в памяти и может быть восстановлен в словах, не совпадающих буквально с воспринятыми, но таких, в которых интегрирован тот же смысл, который содержался в логическом интеграле полученного высказывания» [Жинкин, 1982, с. 84].

Мы видим, что подмена слов на близкие в 85 % случаев не приводит к искажению авторской идеи. Реципиенты по-разному оценивают, в зависимости от гендерной принадлежно-

сти, правомерность оценки явления: девушкам кажется, что так изобразить влюбленную женщину мог только мужчина и не соглашаются с подобной интерпретацией ситуации — в 67 % случаев, молодые люди в большинстве своем — 85 % от общего количества представителей гендерной группы — соглашаются с авторской позицией и приписывают авторство мужчине.

Прежде чем рассмотреть характер этих изменений, проанализируем фрагмент ассоциативного эксперимента, в основе которого был поиск ассоциаций к ключевым словам афористического текста, которые должны были в дальнейшем стимулировать воспроизведение текста. Вопреки тому, что эмоциональный аккорд Л. Гинзбург реализовала через слова, связанные с эмотивной оценкой, далеко не все реципиенты вписали именно их в графу с ключевыми словами. Среди тех, кто все-таки нашел в них содержательное ядро, большую часть респондентов составляют девушки — 75 %, молодые люди, соответственно 25 %, отметили слова, которые соотносятся с четкими предметными реалиями — «подножка» и «трамвай».

Если посмотреть, какие ассоциации вызывает слово «трамвай», сразу станет понятно, почему при восстановлении афористического текста происходят разного рода замены: неоднократно появляется «автобус» и даже «поезд». Трамвай концептуализируется как элемент городского пейзажа и оказывается связан в восприятии участников эксперимента с такими реалиями, как «толкучка», «давка», «движение», «рельсы», «город», «шум», «пробка», «41-ый», «ожидание», «красный свет», «дорога», «транспорт», «поездка», в ряде случаев имеющими негативную коннотацию, вызванную индивидуальным опытом респондентов.

На уровне реализации суггестивного потенциала оказываются запущенными два ассоциативных ряда: первый — словом-стимулом «безответно», второй — «неловко». Состояние безответной любви ассоциируется на уровне причинно-следственных связей с такими чувствами и состояниями, как «страдание», «отчаяние», «печаль», «грусть», «мука», «депрессия — надежда — мучение», ощущением «пустоты», «безысходности», «боли». То, что эта ситуация носит универсальный характер, а потому соответствует уровню притязаний афористического текста, подтверждается ассоциациями, оценками, типа «правда жизни», «повсеместно». В ряде случаев респонденты передают данное состояние через эвфимизмы, например, «игра в одни ворота» или просто «игра».

Ассоциативный ряд, который оказывается запущенным характеристикой «неловко», может быть сведен к понятию «стыд», «смущение», «стеснение», а также к реакции на поведение другого человека, и тогда «глупо», «неудобно», «неприятно»; максимальная степень проявления негатива по поводу чужих неправильных действий, на которые «неловко» смотреть, вербализован словом «негодование».

Единичные ассоциативные реакции получили такие слова из состава афористического текста, как «мужчина» — «хамство», «жлоб», «сила есть — ума не надо», «женщина» — «слабость»; «сталкивает» — «унижает», «роняет», «падение», «обида», «агрессия», «обрыв».

Данные ассоциативные ряды фундируют, почему в процессе припоминания участники эксперимента, сохраняя смысл афоризма, находят другие языковые формы: у каждого испытуемого «безответно влюбленная» концептуализировалась сознанием в своей вариации — от безвинно страдающей жертвы, достойной

сочувствия, до женщины глупой и жалкой, не уважающей себя, достойной презрения. В последнем случае качества обидчика «мужчины из сравнения» оказываются по смежности характеристикой объекта любви (мало того, что любовь безответная, так еще и к объекту недостойному), а в крайнем варианте это оказывается одно и то же лицо: «Неловко смотреть на влюбленную безответно женщину, также неловко смотреть на женщину, пытающуюся забраться в трамвай, которую сталкивает с подножки *ее огромный любимый мужчина*».

Характеристика «здоровенный», как показал эксперимент, не сохранилась у большинства его участников (за исключением одного респондента). Являясь однокоренной со словом «здоровье», она не смогла вместить весь отрицательный смысл, который оказался для респондентов связан со сценой «насилия в транспорте». Для юных участниц эксперимента гораздо более подходящим для выражения негатива по отношению к мужчине-хулигану оказалось определение «толстый»: «Наблюдать за женщиной, впавшей в безответную любовь, все равно, что наблюдать за женщиной, пытающейся попасть в трамвай, откуда ее выталкивает *толстый* мужчина», «Неловко смотреть на женщину, влюбленную безответно, так же неловко, как смотреть на женщину, пытающуюся залезть в переполненный трамвай, которую сталкивает *толстый* мужчина с подножки», «Смотреть на безответно влюбленную женщину так же неловко, как видеть женщину, пытающуюся забраться в трамвай, которую сталкивает *толстый* мужчина с подножки», «Смотреть на влюбленную женщину то же, что на *хрупкую* девушку, забирающуюся в трамвай, которую пытается столкнуть *толстый* мужчина».

Знаковой может быть признана также замена мужчины, его частью: «Смотреть на невзаимно влюбленную женщину так же

неловко, как на женщину, пытающуюся войти в трамвай, когда ее сталкивает с подножки *грубая мужская рука*». В данном случае автор, чувствуя жанровую специфику афористического текста как текста художественного, использует синекдоху, троп метонимической разновидности, и таким образом переводит афоризм при воспроизведении на более высокий уровень: «здоровенный мужчина» соответствует разговорному стилю, «грубая мужская рука» — одной из разновидностей стиля художественного. В ряде случаев «мужчина» вообще лишается дополнительных характеристик: само обозначение гендерной роли оказывалось феминистски достаточным для его включения в сцену насилия и произвола: «*Мужчины* — это те, кто сталкивает *женщин* с подножки» (тут чувства роли уже не играют).

Отношение к ситуации, которое четко выражено автором через выбор соответствующих глаголов — «пытается взобраться» — элегантных, но с чувством превосходства, неоднократно подвергается корректировке при попытке воспроизвести афористический текст участниками эксперимента: выбор глагола или причастия показывает, реализуется ли суггестивный потенциал. Если, например, женщина «пытается войти» или «пытается зайти» в трамвай, то градус суггестии понижается и афористический текст начинает звучать более нейтрально, если женщина изображена как «влезаящая в трамвай» («Смотреть на безответно влюбленную женщину так же неловко, как на женщину, *влезаящую* в трамвай, которую сталкивает мужчина»), если она в него «пытается залезть» или «забирается» («Смотреть на безответно влюбленную женщину неприятно, это то же, что смотреть на женщину, которая *пытается залезть* в переполненный трамвай, а огромный мужчина сталкивает ее со ступеней»; «Неловко смотреть на женщину, влюбленную безответно, так же неловко,

как смотреть на женщину, *пытающуюся залезть* в переполненный трамвай, которую сталкивает толстый мужчина с подножки»; «Смотреть на безответно влюбленную женщину неловко, как и смотреть, как она *забирается* в трамвай, а большой мужчина сталкивает ее со ступеньки»), то суггестивный потенциал оказывается реализован, так как замены сохраняют негативную коннотацию, даже работают на снижение планки — приведенные примеры демонстрируют более разговорные синонимические варианты.

Из дополнительных элементов, внесенных при попытке воссоздать текст участниками эксперимента, следует отметить метаморфозы, которые произошли с «женщинами» — и в первой части афористического текста, и в сравнении. Во-первых, акцент с чувств «женщины» оказался смещен на чувства, которые испытывают, точнее не испытывают по отношению к ней: то есть главным оказывается не то, что она любит, а то, что ее не любят: «Смотреть на женщину, *которую не любят*, — это как смотреть на женщину, которая пытается зайти в переполненный трамвай, а ее оттуда выталкивает большой мужчина». Во-вторых, проявились те составляющие концепта «безответная любовь», которые были выявлены и в процессе ассоциативного эксперимента — это состояние воспринимается как некое повреждение, горе, несчастье, то, что достойно жалости: «Женщина от неразделенной любви выглядит *жалко*, будто ее выталкивает из трамвая большой мужчина», «Женщина в безответной любви *напоминает несчастную*, сталкиваемую с подножки транспорта мужчиной», «Безответно влюбленная женщина *будто несчастная*, которую некий мужчина пытается столкнуть с подножки трамвая»; один из респондентов передал этот же смысл через словосочетание «впасть в безответную любовь», в воспроизведенном тексте

употребленном с использованием формы соответствующего причастия: «Наблюдать за женщиной, *впавшей в безответную любовь*, все равно, что наблюдать за женщиной, пытающейся *попасть* в трамвай, откуда ее выталкивает *толстый* мужчина».

В новообразованных афоризмах, в зависимости от гендерных характеристик респондентов, упоминающиеся в тексте «мужчина» и «женщины» теряют прежние характеристики и приобретают новые. Так, в анкетах, заполненных молодыми людьми, «мужчина» с бандитскими наклонностями приобретает характеристики «огромный», «крупный», «мощный» — акцент со здоровья смещается на «силу», которую он направляет далеко не в мирное русло; в анкетах девушек «мужчины» лишены дополнительных характеристик: подразумевается, что так могут поступать все мужчины, и «крупные», и «мелкие», сталкивая женщин и со ступенек, и с подножек трамваев и автобусов, и даже «пиная из поезда»: «Безответно влюбленная женщина сродни женщине, которую пинает из поезда мужчина».

Знаменательно, что для того, чтобы представить, о чем речь, респонденты, включая нарисованную картинку в ряд знакомых ситуаций, не только трамвай делают «переполненным», но и уточняют возраст героинь, чтобы усугубить вину «мужчины»: «Смотреть на безответно влюбленную женщину неловко, как и на *пожилую женщину*, которая пытается зайти в трамвай, но ее отталкивает мужчина», «Смотреть на влюбленную женщину то же, что на *хрупкую девушку*, забирающуюся в трамвай, которую пытается столкнуть толстый мужчина». В результате воспроизведения афористического текста можно увидеть те варианты «достраивания смысла», которые запрограммированы характером афористического дискурса, оказываясь при этом в зоне восприятия, уже за границами первоначального авторского афористического

текста. Для девушек, участвовавших в эксперименте, главным оказывается не призыв автора к безответно влюбленным взглянуть на ситуацию со стороны и увидеть, как они низко пали, вспомнить о собственном достоинстве, а вопрос, который на самом деле в нем не звучал: как же сделать любовь взаимной. В результате такого переосмысления афоризм получает абсолютно новую мораль: «Не замечать безответно влюбленную женщину — это все равно, что крупному мужчине вытолкнуть хрупкую барышню из трамвая», то есть надо «заметить» и «ответить». Все детали первоначальной картинки оказались так перемешаны в процессе восприятия, что при попытке ее воспроизвести получилась совсем другая картинка: респондент запомнила все слова, но не прониклась авторской идеей и заменила ее на свою.

Можно привести в заключение и «мужской» вариант перекодировки первоначального смысла. Сохранив тему афористического текста — тему «любви» (даже, можно сказать, ее разновидности — любви несчастной), гендерные роли участников рассматриваемой ситуации («мужчина» и «женщина»), «трамвай» как один из второстепенных элементов сравнения и даже синтаксическую структуру дефиниции-тезиса, подкрепленного сравнением, молодой человек, участник эксперимента, на выходе создал абсолютно свою формулировку, свой афоризм, свое наблюдение, претендующее на универсальность: «Любовь для мужчины как женщина, не попавшая в трамвай».

Как показывает анализ текстов, которые были созданы участниками эксперимента, афоризм Л. Гинзбург как раз был составлен из элементов, имеющих большой суггестивный потенциал: каждый из них оказался четким, доступным для запоминания, то есть соотносимым с концептами, распространенными в отечественной культуре. Простое событие из повседневной

действительности, используемое в сравнении, легко осмысляется и имеет в сознании образ, для которого без труда находится форма языкового выражения при попытке воссоздать текст. Индивидуальный опыт участников эксперимента в большинстве случаев не повлиял на смысл текста, сказался только в привнесении в новый текст конкретики и новых деталей: возраст женщины, переполненность трамвая и т. д. То есть для устойчивых концептов, на которых строится текст, респонденты нашли более пространственные в речевой практике средства вербализации: так, не имеющая регулярной вербализации характеристика «здоровенный», создающая туманное впечатление у современных коммуникантов и расплывчатое эмоциональное впечатление, заменяется более привычной «толстый» в отношении мужчины. Четкое зрительное впечатление создает соответствующую негативную коннотацию: «толстый», то есть за собой не следит, вызывает чувство брезгливости, на все способен, в том числе, и на бытовое хулиганство. В процессе запоминания данного афористического текста особое значение сыграло то, что суггестивный потенциал оказался связан с конкретными эмоциями: образ, на котором основано сравнение, не может иметь разночтений — однозначное негодование, осуждение, презрение по отношению к обидчику; жалость и сочувствие — к его жертве, хотя и с элементом отношения «сама виновата» (ведь надо бороться, не давать себя сталкивать, проявлять силу). Расклад сил в данном афористическом тексте соответствует патриархатному восприятию, но мораль имеет феминистский подтекст: неловко смотреть на тех, кто поддается любви, как и на тех, кто позволяет становиться жертвой агрессии в ситуациях повседневности.

Подводя итоги анализу суггестивных возможностей афористики, подкрепленных в результате эксперимента, укажем, что

значимыми для привлечения внимания респондентов, а следовательно, и для закрепления в их памяти, имеют образы зрительные, вербализованные через наименования хорошо знакомых предметов, а также осязательные, связанные со всем знакомыми ощущениями.

Эксперимент показал, что при запоминании афористического текста в памяти запечатлеваются не столько сами слова и предложения, составляющие данный текст, сколько содержащиеся в нем мысли. Суггестивный потенциал оказывается реализованным в тех случаях, когда обеспечивает привлечение чувственного опыта реципиента. При этом далеко не каждый ассоциативный стимул дает одинаковые парадигматические ответы. Это происходит, когда текст построен на основе стандартизованного концептуального образа (*сад — цветы*) или при демонстрации устойчивой сочетаемости (*стрела — амура, страна — родная*). В других случаях слово, имеющее суггестивный потенциал, отсылает к образной основе концепта, которая, в силу индивидуально-сенсорного характера перекодировки, приводит к его замене в ходе вербализации другой лексической единицей.

Следует отметить, что то, что в афористических текстах выражено словами, которые относятся к общеупотребительным и вербализуют концепты, устойчивые для русского национального самосознания, воспринимается на слух лучше, чем то, что основано на репрезентации индивидуально-авторского прочтения концептов с использованием образов, не имеющих распространение в кругу носителей русского языка. Кроме того, если ключевые слова уже стали результатом осмысления воспринятого материала на первом этапе эксперимента, т. е. в этих словах была обнаружена существенная мысль, связанная

с предметом внимания, то такое запоминание оказывается наиболее продуктивным.

Литература

1. *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. — Москва : Наука, 1982. — 160 с.
2. *Седов К. Ф.* Нейропсихоллингвистика / К. Ф. Седов. — Москва: Лабиринт, 2007. — 224 с.